
УДК: 810114.02

DOI: 10.22363/2312-9182-2016-20-4-91-102

ДИСКУРС, ВЫСКАЗЫВАНИЕ И РЕЧЕВОЙ АКТ

Е.А. Красина

Российский университет дружбы народов
117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, 6

Дискурс как компонент социокультурного взаимодействия представляет собой сложное единство языковой формы, значения и действия, т.е. коммуникативного события или акта. Связь с событием и действием позволяет рассматривать дискурс как некоторую форму жизни, обращенную к коммуникативному взаимодействию и к прагматической ситуации с опорой на методологию исследований Э. Бенвениста, М. Фуко, И. Кечкеша, Дж.Р. Сёрля и др. И в лингвистике, и в других областях знаний понятие дискурса способствует интеграции гуманитарных исследований. Интегрирующий принцип, включение в широкий гуманитарный контекст проблемы взаимодействия дискурса, речевого акта и высказывания позволяет нетривиально решать целый ряд собственно лингвистических проблем, в частности, проблему высказывания. Логика определяют высказывание через пропозицию; лингвисты — через предложение; теория речевых актов — через иллокутивный акт. Будучи включенным в дискурс или его фрагмент, высказывание становится их интегральной составляющей, хотя и не единственной. В отношении речевого акта высказывание оказывается его единственно возможной областью определения, одновременно оформляя и означивая речевой акт посредством пропозиционального содержания. Цели и задачи настоящего исследования — определить условия взаимодействия и соотношения дискурса, речевого акта и высказывания как лингвистических конструктов, выявить их отличительные и сходные свойства и показать конструктивную роль высказывания как минимальной единицы речепорождения. Исследование выполнено с применением аналитико-теоретического подхода и интерпретативного анализа. Соотношение дискурса, высказывания и речевого акта подтверждает роль высказывания как дискретной единицы синтаксического континуума, обращенной одной стороной к языку, а другой к речи: оно не принадлежит исключительно ни языку, ни речи, а отличает их взаимодействие в ходе речевой деятельности, являясь одновременно «атомом дискурса» и областью определения речевого акта.

Ключевые слова: высказывание, дискурс, коммуникативное событие, пропозиция, прагматическая ситуация, речевой акт

1. ВВЕДЕНИЕ

Макросинтаксические исследования 60—70-х гг. XX в. избирают своим объектом текст, диалог, повествование и под., то есть «единицу, входящую за пределы привычных синтаксических образований — предложения и словосочетания, и это позволяет обозначить переход от лингвистики текста к лингвистике дискурса и сформулировать начала теории дискурса» (Караулов, Петров 1989: 8).

В этот период дискурс трактуется как «связная последовательность предложений или речевых актов», но уже в последующие десять лет он рассматривается как «сложное коммуникативное явление, включающее кроме текста, еще и экстралингвистические факторы (знания о мире, мнения, установки, цели адресата), необходимые для понимания текста, т.е. дискурс осознается как «сложная система иерархии знаний» [там же].

Будучи существенным компонентом социокультурного взаимодействия, «дискурс, в широком смысле слова, является сложным единством языковой формы, значения и действия, которое могло бы быть наилучшим образом охарактеризовано с помощью понятия коммуникативного события или акта» (Караулов, Петров 1989: 121—122. Связь с событием и действием позволяет Н.Д. Арутюновой определять дискурс как «текст, взятый в событийном аспекте», как «речь погруженную в жизнь» (ЛЭС 1990: 137), и тем самым рассматривать дискурс как некоторую форму жизни, по Л. Витгенштейну. Дискурс, таким образом, оказывается обращенным к коммуникативному взаимодействию и к прагматической ситуации. В коммуникативном аспекте он обращен к ментальным и интенциональным состояниям и процессам участников коммуникации. В прагматическом аспекте, выявляя интерес к языковому употреблению, дискурс позволяет моделировать типовые ситуации, или фреймы, с одной стороны, и рассматривать так называемые «сценарии», моделируя развитие ситуаций, с другой стороны, т.е. он изучается как одна из форм жизни и преимущественно рассматривается как последовательность речевых актов (ЛЭС 1990: 412).

Противопоставив дискурс, или «речь, присваиваемую говорящим» так называемому «объективному повествованию» (*discourse vs recit*), Э. Бенвенист создал предпосылки для распространения понятия дискурса на «все виды прагматически обусловленной и различающейся по своим целеустановкам речи» [там же], ср.: устный и письменный дискурс Т.А. ван Дейка; разговорный дискурс Е.В. Падучевой, включая режимы речевой и нарративной интерпретации; политический, юридический и другие виды дискурса.

В лингвистике и в других областях знаний понятие дискурса способствовало и способствует интеграции гуманитарных исследований. Такая роль дискурса дает повод М. Фуко определять его как «внешнее пространство, в котором размещается сеть различных мест» (Фуко 1996: 56), т.е. как поле: «Дискурс — это нечто большее, нежели просто место, где должны располагаться и накладываться друг на друга — как слова на листе бумаги — объекты, которые могли бы быть устанавлены только впоследствии» [там же: 43].

2. ДИСКУРС И РЕЧЕВОЙ АКТ

Термин «дискурс» ввел в лингвистический обиход бельгийский лингвист Э. Бюиссанс (Buyessens 1943), исходя из сосюрювской трихотомии «язык — речь — речевая деятельность». Фактически, заняв место «*langage*», дискурс сформировал промежуточное звено в цепочке «*langue — discourse — parole*», «где *langue* — система, некая отвлеченная умственная конструкция, *discourse* — комбинации, посредством реализации которых говорящий использует код языка (...), и *parole* — механизм, позволяющий осуществлять эти комбинации...» (Структура текста 1980: 454).

Иными словами, дискурс — это «речевое произведение, которое возникает каждый раз, когда мы говорим», при этом «нельзя упускать из вида своеобразный статус высказывания: нашим объектом является самый акт производства высказывания, а не текст высказанного» (Бенвенист 1974: 312).

В свою очередь, речевое произведение представляет собой результат акта речи, понимаемого в широком смысле, а речевой акт — идеальный, модельный акт речи как особой коммуникативный акт, точнее, коммуникативное событие: оно представлено особым перформативным высказыванием структуры «я-говорящий субъект — речевое действие — ты-слушающий, адресат».

Речевой акт совершается в определенной социально обусловленной коммуникативной (речевой) ситуации, осложненной целым рядом параметров и предполагающей множество контекстов (см.: I. Kecskes & F. Zang 2009; И. Кечкеш 2014; К. Bednářová-Gibová 2015 и др.). Реализация речевого акта — это комплекс сложных многоступенчатых действий, целенаправленно совершающийся говорящим субъектом в направлении к слушателю с целью воздействия на сознание и поведение адресата. По структуре речевой акт представляет собой гетерогенное трехуровневое образование, объединяющее локутивный, иллокутивный и перлокутивный акты (Серль, 1986).

Семантические характеристики речевого акта обусловлены двумя основными свойствами — конвенциональностью и интенциональностью.

В теории речевых актов интенциональность принято понимать как «свойство многих ментальных состояний и событий» (Серль, 1987: 96). Это свойство характеризуется направленностью на объекты и положения дел в реальном мире, в действительности, но оно не тождественно осознанности и не ограничивается намеренностью, проявлением интенций. Конвенциональность обусловлена типизированной иллокутивной целью высказывания и его языковой формой. Иллокутивная цель и иллокутивная сила высказывания, которое представляет речевой акт как реализованную интенцию, позволяют включить его как фрейм в дискурс того или иного типа. Тогда дискурс предстает как некоторое макрополе, или область существования речевого акта, а фрейм — как микрополе, фрагмент дискурса, или область определения дискурса, сравните: дискурс так наз. «ритуального общения» — фреймы приветствия, прощания, поздравления, приглашения, выражения благодарности или соболезнования и др.

3. РЕЧЕВОЙ АКТ И ФРЕЙМ

Разделяя понимание фрейма как единицы, организованной «вокруг» некоторого концепта (ван Дейк 1989: 16), исходим из того, что фреймы конвенциональны в силу того, что с их помощью определяют и описывают нечто характерное и типичное, общепринятое в данном социуме, например, приветствия, чтение лекций, рекламные объявления и т.д.

Каким же образом связать реализацию целей и координацию действий говорящего субъекта **я**, учитывая происходящие события и условия коммуникации, с социальными нормами, как связать интенциональный речевой акт и конвенциональный фрейм? По мнению Т.А. ван Дейка (там же: 18—19), у них имеются, по крайней мере, три общих аспекта:

1) отдельные речевые акты, например, «речевые ритуалы», конвенциональные в высшей степени, одновременно являются и культурно обусловленными. Для них уместность и успешность определяется их социальной значимостью, общественным характером, например, приветствия, извинения, формулы этикета

в повседневном общении. Как правило, это не единичные акты, а последовательности, когда говорящий субъект **я** и слушающий **ты**, меняясь ролями, выполняют одно и то же речевое действие, вплоть до повтора, типа «Приветствую Вас!» (от **я**) — «Приветствую Вас!» (от **ты**). Более сложные последовательности повторяющихся речевых актов могут быть проиллюстрированы как чтение лекций, церковные проповеди, переписка, повседневные разговоры на бытовые темы и др.;

2) речевые акты включаются в сложные действия и становятся составной частью отдельных фреймов, например, при актах крещения «Нарекаю тебя Ольгой»; бракосочетания «Объявляю вас мужем и женой»; вынесения приговора «Вы проговариваетесь к трем годам лишения свободы»;

3) для адекватной интерпретации и понимания речевого акта необходимо знание мета-фрейма, или некоторого фокуса фрагмента мира, прежде всего знание условий успешности. Речь идет об уместности речевого акта, об адекватности его иллокутивной цели: например, поздравляя, я знаю, что у моего адресата произошло или происходит что-то хорошее. В этом смысле речевые акты связаны с прошлым и/или будущим действием говорящего и/или слушающего.

Семантический аспект анализа речевого акта как фрейма предполагает опору на перформативный контекст, выявляющий референциальные, модальные и темпоральные характеристики перформативного высказывания. В силу невозможности сочетания обеих функций — референции к миру и индивидуализации — говорящий субъект **я** придает перформативному высказыванию статус аутореферентного, поскольку «мир моего **я**» — это всегда присвоенный фрагмент действительности. «Мое **я**» концентрируется в модусе перформативного высказывания, как правило, имплицитном в формуле **Я х** и эксплицитном в формуле **Я х, что**. Модальность целиком и полностью обусловлена говорящим субъектом **я**, и потому она субъективна, но реальность речевого действия, сам факт локуции, реальность иллокутивной силы как осуществленного действия и перлокутивного эффекта превращают субъективный, точнее индивидуальный выбор **я**, в объективную реальность совершаемого речевого акта, а возможно, и его последствий как для слушающего, так и для говорящего. Подобно модальности, темпоральность обусловлена перформативным контекстом и связана с пониманием момента совершения высказывания как объемлющего интервала в рамках значения настоящего речевого акта, что материализуется в грамматической форме перформативного предиката.

Таким образом, фреймовая организация речевого акта и перформативного высказывания не затрагивает их внутреннего устройства, а предполагает включение либо в последовательность речевых актов, либо в состав более сложного фрейма, объединяющего как речевые, так и неречевые действия. Фреймовая организация позволяет вписать речевые акты в целом и/или перформативные высказывания, их оформляющие, в прагматический контекст благодаря семантическим сферам говорящего субъекта **я**, адресата **ты** и речевого действия перформативного высказывания. Наконец, фреймовая организация речевого акта позволяет характеризовать речевой акт как область определения в отношении дискурса — области существования фрейма.

4. ПРЕДЛОЖЕНИЕ И ВЫСКАЗЫВАНИЕ

В триаде «речевая деятельность — речь — язык» предложение принадлежит языку, поскольку эта единица встраивается в иерархию абстрактных языковых единиц, обладает парадигматическими характеристиками хотя бы на уровне модели или структурной схемы; в системе абстрактных единиц языка отвечает условиям «входит в» и «состоит из», хотя в отдельных случаях нейтрализуется по отношению к слову и морфеме — значимым двусторонним единицам языка.

В речевой деятельности предложение «чудесным образом превращается» в высказывание, поскольку приобретает коммуникативную функцию, оформляется интонацией и порядком слов, наделяется интенциями говорящего и слушающего и др. Взаимодействие предложения и высказывания в коммуникативной функции часто приводит к их отождествлению, по крайней мере, к некоторой симметрии, которая обнаруживается в акте коммуникации и результирует в акте означивания фрагмента действительности, ситуации или события.

Объяснение, которое лежит на поверхности, связано с относительной свободой системы языка, которая, в отличие от его структуры, не накладывает строгих ограничений. Ограничения накладывает символическая функция языка, которая способствует двойному означиванию: семиотическому на уровне системы, парадигматики языка и семантическому — в синтагматике языке. Как пишет проф. Л.Г. Зубкова, «Принцип знака в языке как посреднике между внешним миром и внутренним миром человека воплощается в принципе двойного означивания — семиотического (в слове) и семантического (в предложении)» (Зубкова 2014: 122).

Категориальная семантика предложения позволяет рассматривать предложение и как номинативную единицу, референтом для которой служит ситуация, событие, фрагмент действительности. В этом смысле предложение сближается со словом и ему свойственно семиотическое означивание.

Приобретая множество дополнительных смыслов, будучи единицей речи, речевой деятельности, высказывание обнаруживает явно выраженную синтагматическую организацию, а потому означивание в высказывании семантическое. На самом деле, и тот, и другой тип означивания присутствует в обеих единицах: речь идет только о мере и степени проявления.

Дуализм предложения и высказывания заключается не просто в том, что высказывание как бы дублирует предложение, выполняя функцию формы выражения, а оказывается солидарным с предложением как формой содержания, тем самым они образуют некий двусторонний знак в рамках речевой деятельности, в котором высказывание становится означающим, а предложение — означаемым. И этот знак обладает известными свойствами и принципами словесного знака: условностью, произвольностью, линейностью и материальностью означаемого (отчасти) и др.

Обе стороны знака в единстве и взаимодействии стремятся выразить содержание, но каждая обладает специфическими индивидуализированными средствами, а потому они означивают нечто подобно синонимам и стремятся к симмет-

рии. Наоборот, в силу различий семиотического и семантического означивания они выступают как омонимы, точнее — омоформы, и поэтому выявляют асимметрию. И симметрия, и асимметрия обнаруживаются на уровне символической (семиотической) функции языка и обусловлены номинативной спецификой предложения и коммуникативным ракурсом высказывания.

Понятие высказывания в значительной степени неопределенно, поскольку оно иллюстрируется всевозможными проявлениями языка, или речевыми произведениями — от междометного «А-а-а!» до текста. По Э. Бенвенисту: «Высказывание и есть приведение языка в действие посредством индивидуального акта его использования. (...) Высказывание следует рассматривать как акт говорящего, который употребляет язык в качестве орудия, и с учетом тех языковых черт, в которых проявляется отношение между говорящим и языком» (Бенвенист 1974: 312).

Наиболее узкое и конкретное понимание высказывания сформулировано в рамках теории актуального членения, когда оно представляется как предложение в динамическом аспекте (П. Адамец, В.А. Белошапкина и др.). Тогда синтагматический аспект, связанный с последовательностью элементов высказывания (слов, словоформ, синтагм) в сочетании с интонацией, включая эмфатическое словесно-фразовое ударение, «задает» и актуализирует содержание в целом либо отдельные смыслы высказывания в направлении от говорящего к слушающему, а высказывание получает определение актуализированного предложения.

Полагаем, что именно в рамках данного подхода существует и определение высказывания как целостной речевой единицы, «как минимальной коммуникативной единицы, где непосредственно осуществляется использование языковых средств в соответствии с намерением говорящего» (Крекич 1993: 7—8).

Если же понимать высказывание как предложение, принадлежащее определенному коммуникативному контексту, и одновременно как предложение, принадлежащее прагматическому контексту, т.е. не только произведенное говорящим, но и воспринятое слушающим, тогда высказывание будет включаться в план содержания, в означаемое предложения, станет некоей формой содержания предложения, его знаковой составляющей, его представителем в семантической системе языка. Оно будет тем самым дискретным элементом синтаксического континуума, который заполнит свободные пространства синтаксической решетки и окажет влияние на синтаксическую динамику. По мнению К. Бюлера, Ф. де Соссюра уже вел поиски такой единицы, но он обозначил лишь область ее функционирования как «parole», иногда «langage» (Бюлер 1993: 335).

Тогда высказывание — это эксплицированный вариант предложения, принадлежащий языку в действии, выступающий в контексте речевой деятельности, уже — речевого акта, как реальная единица, в то время как предложение, будучи виртуальной единицей, оказывается носителем инвариантных значений, например, значения предикативности. Высказывание и речевой акт взаимодействуют, соответственно, как область определения и область существования.

5. РЕЧЕВОЙ АКТ И ПЕРФОРМАТИВНОЕ ВЫСКАЗЫВАНИЕ

Подобно любому физическому действию, речевой акт имеет иерархию и фазы (см. J. Austin, J. Searle).

Отметим, вслед за Т.А. ван Дейком (ван Дейк 1989: 291), что речевой акт содержит две важные переменные — пропозициональный и референциальный акты. С названными аргументами связаны и различия речевых актов: «...наблюдая извне речевой акт любого рода, мы можем назвать или не назвать его сообщением, просьбой или советом и т.д. в зависимости от двух факторов: 1) что было сказано (пропозициональный акт. — Е.К.) и 2) считаем ли мы, что намерения и/или предположения (...) действительно могут быть приписаны говорящему» (Вежбицка, 1985: 255).

Очевидно, что основным параметром речевого акта оказывается иллокутивная цель, которая понимается как смысл конкретного типа иллокуции. При этом делаются два существенных ограничения: 1) иллокутивная цель не предполагает никакого перлокутивного воздействия на слушающего; 2) иллокутивная сила не сводима к иллокутивной цели, тем более не тождественна ей; «понятие иллокутивной силы производится от нескольких элементов» (Грайс 1985: 227). В большинстве случаев иллокутивная цель обнаруживается благодаря контексту и ситуации. Иллокутивная цель высказывания по своей сути является коммуникативной имплицатурой (*conversational implicature*) [там же].

В концепции Дж. Серля и Д. Вандервекена иллокутивная сила включает семь компонентов: 1) иллокутивную цель; 2) способ достижения иллокутивной цели; 3) интенсивность иллокутивной цели; 4) условия пропозиционального содержания речевого акта; 5) предварительные условия речевого акта; 6) условия искренности и 7) интенсивность условий искренности речевого акта (Серль, Вандервекен 1986: 251).

Если исходить из того, что «иллокутивная цель — это базисное понятие, вокруг которого группируются различные способы использования языка, то окажется, что число различных действий, которые мы производим с помощью языка, довольно ограничено» (Серль 1986: 194), полагая, что все речевые действия, как правило, комплексные, направлены на изменение положения дел в существующем мире.

Операционный подход к определению иллокутивной цели позволяет представить ее как внутренний замысел иллокутивного, шире — речевого акта. В силу этого в теории речевых актов иллокутивная цель представлена пятью и только пятью типами: *ассертивная комиссивная директивная декларативная экспрессивная цели* (Серль, 1979; Серль, Вандервекен 1986).

Каждому типу иллокутивной цели соответствуют иллокутивная сила и иллокутивные глаголы: ассертивы (репрезентативы), комиссивы, директивы, декларативы, экспрессивы. При этом иллокутивные глаголы-суперпредикаты речевого действия выявляют перформативные смыслы и значения, а иллокутивная сила представлена перформативными высказываниями в целом.

Обозначение иллокутивной цели речевого акта, которое объединяет все возможные семантические его разновидности на уровне перформативного высказывания, прежде всего предиката речевого действия, представляет такой фрейм, ко-

торый в свою очередь распадается на несколько гомогенных фреймов по принципу родовидовых и цело-частных отношений в их единстве, например: *директивы* распадаются на *требования и приказы, запреты и разрешения, предупреждения и предсказания, рекомендации и советы* и др. (Апресян 1995; Красина 1999). Семантические особенности разновидностей директивных речевых актов строятся на родовидовых отношениях, а стилистические, особенно по принадлежности к функциональному стилю и оценке, — на цело-частных отношениях, сравните:

Я приказываю вступить в сражение (однозначная формулировка директивной иллокутивной цели, официальные отношения). — *Я прошу Вас отказаться от десерта* (размытость директивной иллокутивной цели в силу неофициальных, неформальных обстоятельств).

В речевом акте арсенал языковых средств и речевых приемов предстает в виде комплексов, образующихся с учетом коммуникативной цели говорящего субъекта *я* и речевой ситуации. Один из таких комплексов, специфичных для каждого конкретного языка, представлен перформативами — высказываниями, избирающими особые механизмы, способы и средства отражения и объяснения мира. Применительно к речевому акту перформативность — это семантико-прагматическая категория, позволяющая представить речевое действие, обозначенное особым глаголом с особым контекстом, реализующееся в коммуникативном контексте перформативного высказывания, в речевом акте.

Перформативное высказывание, оформляющее и представляющее речевой акт, сочетает свойства конвенциональности и интенциональности, связанных с иллокутивной силой и/или целью речевого акта, исходящими от говорящего субъекта; структура перформативного высказывания «*я-говорящий субъект — перформативный предикат речевого действия (n-местный предикат, суперпредикат) — ты-адресат/слушающий*» проецирует три семантико-прагматические сферы, центральное место среди которых занимает суперпредикат, понимаемый как многоместный реляционный предикат, существующий в пределах перформативной пропозиции.

Комплекс языковых средств, оформляющих перформативное высказывание и речевой акт, опирается на прагматическую парадигму — парадигму эгоцентрических слов, поэтому реляционный каркас «*я — ты*» задает одновременно субъективность и полярность, конвенциональность и интенциональность, аутореферентность и самоверифицируемость как существенные свойства речевого акта и перформативного высказывания, в то время как перформативные предикаты — носители дескриптивного и перформативного значений представляют их номинативную основу. Модусно-диктумная организация перформативной пропозиции проецируется и на речевой акт в целом, что и позволяет создать изоморфные таксономии перформативных глаголов-суперпредикатов и перформативных высказываний.

Итак, перформативное высказывание последовательно объединяет собственно речевой акт, условия реализации данного акта и средства его осуществления, поэтому оно и становится областью определения речевого акта. Оно становится областью определения в отношении речевого акта — области существования перформативного высказывания.

6. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Во взаимодействии дискурса, речевого акта и высказывания обнаруживается определенная иерархия: дискурс — это поле, в котором наряду с другими объектами существуют речевые акты и высказывания, и одновременно дискурс конституируется как сложная система знаний, которые могут быть представлены посредством высказываний и речевых актов.

Речевой акт, выступая как фрейм, конституирует своеобразное микрополе в пределах дискурса и тем самым становится его областью определения. В отношении же высказывания, перформативного высказывания в первую очередь, речевой акт выступает в качестве области существования.

Амбивалентность речевого акта создает устойчивую прагматическую цепочку: «дискурс — речевой акт — перформативное высказывание», в которой дискурс является областью существования речевого акта и, по нисходящей, — перформативного высказывания, а речевой акт оказывается областью существования для перформативного высказывания, в свою очередь выступающего как область определения в отношении речевого акта. Будучи включенным в дискурс или его фрагмент (фрейм), высказывание становится их интегральной составляющей, хотя и не единственной. В отношении речевого акта высказывание оказывается его единственно возможной областью определения, одновременно оформляя и означивая речевой акт посредством пропозиционального содержания.

В рамках взаимодействия с дискурсом речевой акт и высказывание предстают как коммуникативное дискурсивное событие, «которое ни язык, ни смысл ни в состоянии полностью исчерпать» (Фуко, 1996: 30), поэтому «нет высказывания вообще, свободного, безразличного и независимого, но лишь высказывание, включенное в последовательность или совокупность, высказывание, играющее роль среди других» (там же: 100).

Таким образом, соотношение дискурса, высказывания и речевого акта подтверждают предлагаемое понимание высказывания как дискретной единицы синтаксического континуума, обращенной одной стороной к языку, а другой к речи. Подобно субъекту, который, по Л. Витгенштейну, «не принадлежит миру, а представляет собой некую границу мира», высказывание также не принадлежит исключительно ни языку, ни речи, а отмечает их взаимодействие в ходе речевой деятельности, являясь одновременно «атомом дискурса» и областью определения речевого акта.

© Красина Е.А., 2016

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Апресян Ю.Д. *Перформативы в грамматике и словаре* // Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т. II. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. С. 199—218.
- Austin, J.R. (1962). *How to do things with words*. Oxford.
- Бенвенист Э. *Общая лингвистика*. М.: Прогресс, 1974. 447 с.

- Беднарлова-Гибова К. (2015). О некоторых прагматических и когнитивных теориях применительно к литературному дискурсу // *Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*, 2015. № 4. С. 61—70.
- Бюиссанс Э. *Язык и дискурс*. URL: <http://www.studfiles.ru/preview//1863762> (дата обращения 04.09.2016).
- Бюлер К. *Теория языка. Репрезентативная функция языка*. М.: Прогресс, 1993. 528 с.
- Ван Дейк Т.А. *Язык. Познание. Коммуникация*. М.: Прогресс, 1989. 312 с.
- Вежбицка А. Речевые акты // *Новое в зарубежной лингвистике*. М.: Прогресс, 1985. Вып. 16. С. 251—275.
- Грайс П. Логика и речевое общение // *Новое в зарубежной лингвистике*. М.: Прогресс, 1985. Вып. 16. С. 217—237.
- Зубкова Л.Г. Языковые единицы и категории в свете сущностных свойств языка и системные принципы // *Языковые категории и единицы*. Сб. научных статей: К 85-летию профессора А.Б. Копеоловича. Владимир: Транзит-ИКС, 2014. С. 118—125.
- Караулов Ю.Н., Петров В.В. От грамматики текста к когнитивной теории дискурса // Ван Дейк Т.А. *Язык. Познание. Коммуникация*. М., 1989. С. 5—11.
- Кечкеш И. Слово, контекст и коммуникативное значение // *Вестник РУДН. Серия: Лингвистика*. 2014. № 1. С. 7—18.
- Kecskes I., Zhang F. (2009). Activating, seeking, and creating common ground: A socio-cognitive approach // *Pragmatics and cognition*, 17 (2), 2009, 331—335.
- Красина Е.А. *Русские перформативы*: Монография. М.: Изд-во РУДН, 1999. 126 с.
- Крекич Й. *Побудительные перформативные высказывания*. Сегед, 1993. 241 с.
- ЛЭС: Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1996.
- Серль Дж.Р. Природа Интенциональных состояний // *Философия, логика, язык*. М.: Прогресс, 1983. С. 96—126.
- Серль Дж.Р., Вандервекен Д. Основные понятия исчисления речевых актов // *Новое в зарубежной лингвистике*. М.: Прогресс, 1986. Вып. 18. С. 242—264.
- Структура текста: сборник статей / Отв. ред. Т.В. Цивьян. М.: Наука, 1980. 284 с.
- Фуко М. *Археология знаний*. Киев: Ника-Центр, 1996. 208 с.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 28 июля 2016

Дата принятия к печати: 01 ноября 2016

Для цитирования:

Красина Е.А. Дискурс, высказывание и речевой акт // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2016. Т. 20. № 4. С. 91—102.

Сведения об авторе:

Красина Елена Александровна, доктор филол. наук, профессор, профессор кафедры общего и русского языкознания филологического факультета РУДН (Москва, Россия). *Сфера научных интересов*: синтаксис, семантика синтаксиса, теория речевых актов, лингвистическая прагматика, теория языка, методология и теория языкознания. *Контактная информация*: e-mail: elena_krassina@mail.ru.

УДК: 810.114.02

DOI: 10.22363/2312-9182-2016-20-4-91-102

DISCOURSE, STATEMENT AND SPEECH ACT

Elena A. Krasina

Peoples' Friendship University of Russia
6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198

Being a component of socio-cultural interaction discourse constitutes a sophisticated cohesion of language form, meaning and performance, i.e. communicative event or act. Cohesion with event and performance let us treat discourse as a certain lifeform, appealing both to communicative interaction and pragmatic environment using the methodology of studies of E. Benveniste, M. Foucault, I. Kecskes, J.R. Searle et al. In linguistics and other fields of humanitarian knowledge the notion of *discourse* facilitates the integration of studies in humanities. Principles of integration, incorporation into broad humanitarian context reveal some topics of discourse-speech act-utterance interaction which leads to substantive solutions of a number of linguistic topics, in particular, that of an utterance. Logicians determine utterance through proposition; linguists — through sentence, while speech act theory does it by means of illocutionary act. Integrated in a discourse or its part, utterance makes up their integral constituents although not unique ones. In relation to speech acts, utterance happens to be the unique definitional domain synchronically modelling and denoting speech act by means of propositional content. The goal of the research is to show the conditions of interaction and correlation of discourse, speech act and utterance as linguistic constructions, reveal some similarities and differences of their characteristics and prove the importance of the constructive role of utterance as a minimal unit of speech production. Discourse-speech act-utterance correlation supports the utterance role of a discrete unit within syntactic continuum, facing both language and speech: still, it belongs exclusively neither to language nor speech, but specifies their interaction in course of speech activity exposing simultaneously its nature of an 'atom of discourse' and creating the definitional domain of a speech act.

Key words: discourse, communicative event, pragmatic environment, proposition, speech act, statement, utterance

REFERENCES

- Apresyan, Yu.D (1995). *Performativi v grammatike i slovare* [Performatives in Grammar and Dictionary] T. II. M.: Shola "Yaziki Russkoy kul'turi", 199—218. (In Russian).
- Austin, J.R. (1962). *How to do things with words*. Oxford.
- Bednárová-Gibová K. (2015). On some pragmatic and cognitive theories applicable to literary discourse. *Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Theory of Language, Semiotics and Semantics*. 4, 61—70. (In Russian).
- Benveniste, É. (1974). *Problèmes de linguistique générale*, 2nd ed. Paris, Gallimard.
- Buyessens, E. (1943). *Langue et discours*. Bruxelles. Retrieved from: <http://www.studfiles.ru/preview//1863762> on 04.09.2016.
- Bühler, K. (1934). *Sprachtheorie. Die Darstellungsfunktion der Sprache*. G. Fischer, Jena.
- Foucault, M. (1969) *L'Archéologie du savoir*. Paris, Gallimard, coll. «Bibliothèque des Sciences humaines».
- Grice, P. (1975). Logic and conversation In: *Syntax and Semantics*, v. 3. NY Academic Press, 41—58.
- Karaulov, Yu.N., Petrov V.V. (1989). Ot grammatiki texta k kognitivnoi teorii diskirsa [From text grammar to the cognitive discourse theory] // *Van Dijk T.A. Yazik. Poznanie. Kommunikatsia*. Moscow, 5—11. (In Russian).

- Krasina, E.A. (1999). *Russkie performativi* [Russian performatives: Monography]. M.: Izd-vo RUDN. (In Russian).
- Kecskes I. (2014). Word, context and communicative meaning. *Russian Journal of Linguistics*, 1, 7—18. (In English).
- Kecskes I., Zhang F. (2009). Activating, seeking, and creating common ground: A socio-cognitive approach // *Pragmatics and cognition*, 17 (2), 331—335.
- Krekich, J. (1993). Imperative performative statements. Segded. (in Russian).
- LES (1990): *Lingvistichekii Entsiklopedicheskii slovar'* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. M.: Sovetskaya Entsiklopedia. (In Russian).
- Searle, J.R. (1976). A classification of illocutionary acts // *Language in Society*, 5, 1—23.
- Searle, J.R. (1987). Priroda intentsional'nykh sostoyanii [The Nature of Intentional States] // *Philosophia, logika, Yazik*. M.: Progressc, 96—126.
- Searle, J.R., Vanderveken D. (1984). *The Foundations of Illocutionary Logic*. Ch. 2: Basic notions of a calculus of speech acts. Cambridge.
- Stryktura text: Sbornik statei. (1980). [Text structure]. In T.V. Tsyvyan (ed.). M.: Nauka. (In Russian).
- Van Dijk, T. (1989). *Language. Knowledge. Communication*. Newbury Park, CA: Sage.
- Wierzbicka, A. (1972). *Acts of speech*. In: Wierzbicka, A. *Semantic primitives*. Frankfurt-am-Main, Athenäum, 122—146.
- Zubkova, L.G. (2014). Yazikovie edintsi i kategorii v svete sushnostnykh svoistv yazika i systemnykh printsipov [Language units and categories in the light of essential features of language and systemic principles]. *Yazikovie kategorii i edintsi*. Sb. Nauch. Statey: k 85-letiu professor A.B. Kopeoliovicha. Vladimir: Transit-IKS, 118—125. (In Russian).

Article history:

Received: 28 July 2016

Revised: 20 September 2016

Accepted: 02 December 2016

For citation:

Krassina E. (2016). Discourse, Statement And Speech Act. *Russian Journal of Linguistics*, 20 (4), 91—102.

Bio Note:

Krasina Elena Alexandrovna, PhD, Dr of Philology, Professor, professor of the General and Russian Linguistics Department, Philological faculty, RUDN University (Moscow, Russia). *Research Interests:* syntax, syntactical semantics, theory of language, speech act theory, linguistic pragmatics, methodology and theory of language studies. *Contact information:* e-mail: elena_krassina@mail.ru.